

ОРСОН
СКОТТ КАРД

КСЕНОЦИД
ДЕТИ РАЗУМА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Ксеноцид

*С благодарностью за вольную жизнь,
прият и шалости по всей Америке —
Кларку и Кэтти Кидд посвящается*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АВТОРА

Случайная встреча с Джеймсом Крайером в книжном магазине «Вторая Академия» в Чапел-Хилл, Северная Каролина, привела к тому, что в основу настоящей книги легла история Хань Цин-чжао и Хань Фэй-цзы. Узнав, что Джеймс Крайер переводит китайскую поэзию, я сразу попросил его помочь мне с выбором правдоподобных имен для некоторых китайских персонажей, характеры которых я в то время разрабатывал. Мое знание китайской культуры было по меньшей мере поверхностным, а этим персонажам суждено было сыграть в «Ксеноциде» если не главную, то очень значительную роль. Джеймс Крайер оказался одним из самых энергичных, очаровательных и щедрых людей, каких я когда-либо встречал. Он все рассказывал и рассказывал мне про Хань Цин-чжао и Хань Фэй-цзы, показывал мне их работы, описывал китайских исторических и литературных персонажей — вот тут-то я и начал осознавать, что да, это и есть та самая основа, которую я хотел заложить в эту книгу. Я многим ему обязан и очень сожалею, что не смог ничем отплатить.

Также я хочу выразить благодарность многим другим людям.

Джудит Раппорт — за ее книгу «Мальчик, который никак не мог перестать мыть руки», послужившую мне источником информации об описанном в романе маниакально-побудительном синдроме.

Моему литературному агенту Барбаре Бове, без которой этой книги просто не было бы и которая умудрилась продать ее в Англии еще до того, как я вообще помыслил о ее написании.

Моему издателю в Америке Тому Догерти, за необычайную веру и щедрость, за что, надеюсь, ему воздастся.

Джиму Френкелю, редактору, который очень мудро поступил, отвергнув в 1978 году первые наброски рукописи, когда я принес ее в «Дель Рей», и который намекнул мне, очень мягко, что я еще не готов к написанию столь сложного романа.

Моему издателю в Британии Энтони Читхэму, который с самого начала моей писательской карьеры непоколебимо верил в меня и терпеливо ждал появления этой книги куда дольше, чем каждый из нас рассчитывал.

Моему редактору Бет Мичем, ставшей моим другом, советником и защитником в процессе работы над этой и многими другими книгами.

Читателям, неустанно писавшим мне, требуя вернуться к саге об Эндере; их одобрение и поддержка очень помогли, пока я продирался сквозь дебри самого трудного из проектов, который мне когда-либо приходилось реализовывать.

Фреду Чэпелу, возглавившему семинар писателей, состоявшийся в Университете Северной Каролины, Гринборо, за то, что он любезно просмотрел первый набросок истории Цин-чжао и высказал свои замечания.

Стану Шмидту из «Аналога», за то, что он с радостью согласился опубликовать такую чрезвычайно значительную часть романа, как история «Во Славе Блистательной».

Моим помощникам Лэрэйн Мун, Эрин Эбшер и Вилларду и Пегги Кард, которые, каждый по-своему, предоставили мне полную свободу и помощь, так необходимые, чтобы вообще писать.

Моим друзьям, таким как Джефф Альтон и Филип Эшер, которые, прочитав первые страницы романа, помогли мне увериться в том, что подобная каша из характеров и всевозможных мотивов действительно имеет смысл.

И моим детям Джеффри, Эмили и Чарли, безропотно прощавшим мне неуживчивость и раздражительность, которые, кажется, всегда сопровождают мои приступы писательской деятельности, и позволившим мне позаимствовать из своего жизненного опыта некоторые моменты для характеров персонажей, особенно дорогих мне.

Но прежде всего я хочу выразить благодарность моей жене Кристине, которая достойно перенесла все этапы создания книги, задавая вопросы, исправляя ошибки и противоречия и, самое главное, так искренне реагируя на особо удавшиеся места повествования, что это питало мои силы на протяжении всей работы. Абсолютно не представляю, кем бы я был, каким писателем, каким человеком, если бы ее рядом со мной не было... и искренне надеюсь, что мне никогда не придется приобрести такой опыт.

1. РАССТАВАНИЕ

— Сегодня один из братьев обратился ко мне со словами: «Как это, наверное, ужасно — все время быть прикованным к одному месту...»

— И что ты ему ответил?..

— Я сказал, что сейчас располагаю куда большей свободой, нежели он. Неспособность двигаться освобождает меня от обязанности действовать.

— Вы, говорящие на языках, такие лжецы.

Хань Фэй-цзы сидел в позе лотоса на голом деревянном полу у ложа умирающей жены. Он, должно быть, задремал, но ее легкий вздох мгновенно пробудил его — дыхание ее было невесомо, словно ветерок, поднятый взмахом крыльев пролетающей мимо бабочки.

Цзян Цин, по-видимому, уловила момент его пробуждения, ибо, до этого не произнеся ни слова, сейчас заговорила. Голос ее едва звучал, но Хань Фэй-цзы прекрасно слышал жену, так как во всем доме царил полная тишина. Он попросил своих друзей и слуг вести себя как можно тише, пока угасает жизнь Цзян Цин. В ту долгую ночь, которая вот-вот наступит, хватит времени вдоволь нашуметься.

— Все еще жива, — прошептала она.

В последние дни, пробуждаясь, каждый раз она приветствовала его одной и той же фразой. Сначала слова ее казались шутливыми, насмешливыми, но теперь он явственно различил разочарование, скрытое в них. Она молила о смерти не потому, что не любила жизнь, но потому, что смерть была неотвратимой, а неизбежное следует принимать с распростертыми объятиями. В этом заключалась суть Пути. За всю свою жизнь Цзян Цин ни разу не отступилась от каноничности учения.

— Стало быть, боги милосердны ко мне, — ответил Хань Фэй-цзы.

— К тебе, — выдохнула она. — О чем ты задумался?

Так она просила его поделиться размышлениями с ней. Когда кто-нибудь другой задавал ему подобный вопрос, у него возникало ощущение, будто за ним следят. Но Цзян Цин спрашивала лишь затем, чтобы подумать о том же; давным-давно их души сблизилась, чтобы стать единым целым.

— Я размышлял о природе желания, — сказал Хань Фэй-цзы.

— Чьего желания? — спросила она. — И желания чего?

«Желания исцелить твои кости, вернуть им былую силу, чтобы они не ломались от малейшего прикосновения. Чтобы ты вновь могла вставать, пусть даже просто поднимать руки, и чтобы твои мускулы не крошили кость на мелкие осколки. Чтобы мне не приходилось видеть, как ты медленно угасаешь, ведь сейчас ты весишь всего восемнадцать килограммов. Я не понимал, как все-таки счастливы мы были, до тех пор, пока не познал, что нам недолго суждено оставаться вместе».

— Моего желания, — вслух промолвил он. — Желания тебя.

— «Всегда домогаешься того, чего не имеешь». Кто это сказал?

— Ты, — ответил Хань Фэй-цзы. — Некоторые говорят: «...чего не можешь иметь», другие — «...чего не следует иметь». Я же говорю: «Поистине домогаться можешь лишь того, чего всегда так сильно жаждал».

— Я буду вечно принадлежать тебе.

— Этой ночью ты оставишь меня. Может, завтра днем. Может, на следующей неделе.

— Давай лучше вернемся к природе желания, — уклонилась Цзян Цин.

Как и прежде, она прибегла к философии, чтобы попытаться вывести его из состояния угрюмой меланхолии.

Он сопротивлялся ей, но не всерьез.

— Ты властная правительница, — заметил Хань Фэй-цзы. — Подобно своей духовной прародительнице¹, ты не склонна прощать слабости других.

Цзян Цин была наречена в честь революционной предводительницы древних времен, женщины, которая пыталась показать людям новый Путь, но трусливые соратники предали ее. Это несправедливо, думал Хань Фэй-цзы, что его жена умирает раньше, ведь ее духовная прародительница пережила своего мужа. Кроме того, женам положено жить дольше. Внутренне женщины более целостны. И они умеют жить в своих детях. Им никогда не понять одиночества мужчин.

Но Цзян Цин не позволила ему вернуться к тягостным мыслям.

— Когда жена умирает, о чем больше всего тоскует мужчина?

Хань Фэй-цзы нарочно выбрал самый лживый ответ, какой только мог найти.

— О невозможности возлечь с ней, — сказал он.

— Желание тела, — ответствовала Цзян Цин.

---

¹ Орсон Скотт Кард дает китайским персонажам романа имена известных исторических деятелей Китая. Цзян Цин — жена Мао Цзэдуна, вошла в историю под именем Красной императрицы. После смерти диктатора Мао она и ее приспешники — так называемая «Банда Четырех» — попытались захватить власть в Китае, однако переворот не удался. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Раз она настроилась продолжать разговор, Хань Фэй-цзы решил подыграть ей:

— Желание тела заключается в действии. Оно включает в себя касания, обычные и глубоко сокровенные, плюс все привычные движения. Таким образом, видя уголком глаза какое-либо движение, мужчина думает, что это его почившая жена вышла из дверей, и он не убедится в обратном, пока сам не выйдет из комнаты и не увидит, что ошибся. Далее, он пробуждается ото сна, в котором слышал ее голос, и вдруг понимает, что отвечает ей вслух, словно она находится рядом и слышит его.

— Что еще? — настаивала Цзян Цин.

— Я устал от философии, — проговорил Хань Фэй-цзы. — Может, древние греки и находили в ней успокоение, но только не я.

— Желание духа, — продолжала настаивать Цзян Цин.

— Потому что дух вышел из земли, и именно при помощи его мы творим новое из старого. Муж тоскует по незавершенным делам, которые он и его жена начали незадолго до ее смерти, и по всем невоплощенным мечтам, которые они могли бы осуществить, будь она рядом. Таким образом, мужчина начинает злиться на детей, которые слишком похожи на него и лишь немножко — на жену, ушедшую из жизни. И мужчина ненавидит дом, в котором они жили вместе, потому что, оставь он все как было, дом станет столь же мертв, как и его жена, а реши он изменить его, утратится та часть, которую она вложила в дом при жизни.

— Тебе не следует сердиться на нашу маленькую Цин-чжао, — прошептала Цзян Цин.

— Почему? — спросил Хань Фэй-цзы. — Или тогда ты останешься со мной и поможешь научить ее стать настоящей женщиной? Я могу обучить ее лишь тому, что есть во мне, — холодному спокойствию, жесткости, остроте и силе, присущим обсидиану. И если она вырастет такой, одновременно будучи похожей лицом на тебя, как смогу я обуздать свою злость?

— Ты можешь научить ее всему, что дала бы ей я, — возразила Цзян Цин.

— Будь во мне хоть частичка тебя, — покачал головой Хань Фэй-цзы, — мне бы не потребовалось брать тебя в жены, чтобы стать целостной личностью. — Теперь уже он поддразнивал ее философией, чтобы разговором увести от боли. — Это есть желание души. Потому что душа создана из света и обитает в воздухе, это именно та часть, которая зачинает и сохраняет идеи, в частности идею личности человека. Муж тоскует по целостности, которая получается при слиянии мужа и жены. Следовательно, он не верит ни в одну из собственных мыслей, потому что у него в голове постоянно крутится какой-то вопрос,

ответом на который могли бы стать только мысли его жены. И поэтому весь мир кажется ему канувшим в Лету, он не верит, что может найтись хоть что-нибудь, способное выдержать и сохранить значение перед лицом вопроса, на который больше нет ответа.

— Очень глубоко, — заметила Цзян Цин.

— Будь я японцем, я бы совершил сеппуку, расплескав свои внутренности поверх пепла от твоих останков.

— Получится мокро и грязно, — ответила она.

Он улыбнулся:

— Тогда я предпочел бы стать индусом, чтобы совершить самоожжение на твоём погребальном костре.

Но у нее уже пропала охота шутить.

— Цин-чжао, — шепнула она.

Она напоминала, что для него непозволительна такая роскошь, как умереть вместе с ней. Надо, чтобы кто-нибудь позаботился о маленькой Цин-чжао.

— Как мне воспитать ее, чтобы она стала такой, как ты? — уже серьезно спросил Хань Фэй-цзы.

— Все хорошее во мне, — ответила она, — берет начало в Пути. Если ты научишь ее повиноваться богам, чтить предков, любить людей и служить правителям, меня в ней будет ровно столько, сколько тебя.

— Я мог бы дать ей знание Пути, как его вижу я, — задумчиво проговорил Хань Фэй-цзы.

— Нет, — возразила Цзян Цин. — Путь не есть часть тебя, муж мой. Даже несмотря на то, что боги каждый день разговаривают с тобой, ты все равно настаиваешь на своей вере в мир, где все можно объяснить естественными причинами.

— Я повинуюсь богам, — сказал он, про себя же с горечью подумал, что у него просто нет выбора и даже малейшая отсрочка ритуала — настоящая пытка.

— Но ты не знаешь их. Ты не любишь их творений.

— Суть Пути заключается в том, чтобы любить людей. Богам мы только повинуюемся. — «Да и как я могу любить богов, которые унижают и мучат меня при каждом удобном случае?»

— Мы любим людей, потому что они создания божьи.

— Не стоит поучать меня.

Она вздохнула.

Эта печаль ужалила его, подобно ядовитому пауку.

— О, если бы ты всегда могла поучать меня! — воскликнул Хань Фэй-цзы.

— Ты женился на мне, потому что знал, что я люблю богов и что эта любовь полностью отсутствует в тебе самом. Так я дополняла тебя.

Как он мог спорить с ней, когда знал, что даже сейчас ненавидит богов — за все, что они всегда делали с ним, за все, что они заставляли его делать, за все, что они отняли у него, чего лишили?

— Обещай мне, — промолвила Цзян Цин.

Он понимал, что означают эти слова. Она чувствовала дыхание смерти; она возлагала ношу своей жизни на него. Ношу, которую он с радостью примет. Потерять на Пути Цзян Цин — вот чего он больше всего страшился эти годы.

— Обещай, что ты научишь Цин-чжао любить богов и всегда следовать Пути. Обещай, что ты взрастишь ее моей дочерью, равно как своей.

— Даже если она никогда не услышит гласа богов?

— Путь принадлежит всем, не только тем, с кем общаются боги.

«Может быть, — подумал Хань Фэй-цзы, — но говорящим с богами куда легче следовать Пути, потому что им за каждое нарушение негласных правил приходится платить поистине ужасную цену. Обычные люди свободны; они могут покинуть Путь и не сожалеть о том годами. Говорящему с богами ни на час нельзя оставлять Путь».

— Обещай.

«Да. Обещаю».

Но он не мог заставить себя произнести это вслух. Он даже не знал почему, причины этой неохоты крылись слишком глубоко.

Тишину, в которой она ожидала ответа, нарушил топот маленьких ног, бегущих по гравийной дорожке рядом с домом. Это могла быть только Цин-чжао, вернувшаяся из сада Сунь Цао-пи. Только Цин-чжао позволялось бегать и шуметь в пору всеобщей скорби. Они ждали, понимая, что она направится напрямиком в комнату матери.

Дверь почти бесшумно скользнула в сторону. Даже Цин-чжао в присутствии матери старалась вести себя как можно тише. Но хотя и шла на цыпочках, она не могла удержаться, чтобы не пританцовывать, передвигаясь по комнате легкими прыжками. Однако кидаться с разбегу на шею матери она не стала; она хорошо запомнила прошлый урок, пусть даже огромный синяк на лице Цзян Цин давным-давно рассосался: три месяца назад пылкие объятия Цин-чжао сломали той челюсть.

— Я насчитала целых двадцать три белых карпа в садовом ручье, — похвасталась Цин-чжао.

— Так много? — удивилась Цзян Цин.

— Мне кажется, они нарочно показывались мне, — продолжала Цин-чжао. — Вот я их и сосчитала. Наверное, никто из них не хотел остаться непосчитанным.

— Я люблю тебя, — прошептала Цзян Цин.

К ее еле различимому голосу теперь примешивался какой-то новый, необычный звук, будто при каждом слове, произнесенном ею,

лопался маленький пузырик. Хань Фэй-цзы сразу уловил перемену в ее состоянии.

— Как ты думаешь, я вот столько карпов увидела, это значит, боги начнут разговаривать со мной? — спросила Цин-чжао.

— Я попрошу богов поговорить с тобой, — ответила Цзян Цин.

Внезапно дыхание Цзян Цин участилось, стало резким и прерывистым. Хань Фэй-цзы немедленно встал на колени и наклонился над ней. Глаза ее расширились, в них застыл испуг. Ее час настал.

Губы легонько шевельнулись. «Обещай мне» — понял он, хотя до него не донеслось ни слова, лишь ее судорожные вздохи.

— Я обещаю, — склонил голову Хань Фэй-цзы.

И тут же ее дыхание замерло.

— А о чем с тобой говорят боги? — спросила Цин-чжао.

— Твоя мать очень устала, — сказал Хань Фэй-цзы. — Иди поиграй.

— Но она не ответила мне. Что говорят боги?

— Они открывают нам разные тайны, — сдался Хань Фэй-цзы. — Но никто из тех, кто хоть раз слышал их, не смеет заговорить об этом вслух.

Цин-чжао с важным видом кивнула. Она отступила, будто собираясь уходить, но остановилась:

— Мама, а можно я тебя поцелую?

— Только осторожно, в щечку, — ответил Хань Фэй-цзы.

Цин-чжао, которая в свои четыре года была еще совсем малышкой, даже не пришлось наклоняться, чтобы дотронуться губами до щеки матери.

— Я люблю тебя, мама.

— Тебе лучше уйти, Цин-чжао, — напомнил ей Хань Фэй-цзы.

— Но мама не сказала, что тоже любит меня.

— Она ведь уже не раз говорила тебе об этом. Помнишь? Сейчас она очень устала. Иди, иди, — строгим голосом приказал он.

Цин-чжао без пререканий покинула комнату. Только когда она ушла, Хань Фэй-цзы позволил себе забыть о том, что теперь должен заботиться о ней. Он склонился над телом Цзян Цин и попытался представить, что сейчас с ней происходит. Ее душа улетела и, должно быть, уже на небесах. Ее дух еще задержится на некоторое время; не исключено, что он навсегда поселится в этом доме, если она действительно была счастлива здесь. Суеверные люди считали, что все без исключения духи мертвых опасны, и рисовали всякие знаки, налапали на дома обереги, чтобы отвадить их. Но те, кто следовал Пути, знали, что дух хорошего человека никогда не причинит вреда или разрушения, ибо его доброта в жизни брала начало в любви и созидании. Дух Цзян Цин, если он решит остаться с ними, станет благословением на долгие годы вперед.

Однако пока он пытался представить ее душу и дух в соответствии с учением Пути, где-то в глубине его сердца все равно пряталась уверенность: все, что осталось от Цзян Цин, — вот это хрупкое, иссохшее тело, не более. Сегодня ночью оно вспыхнет и сгорит, подобно клочку бумаги, она исчезнет навеки, и утешением ему послужат лишь воспоминания.

Цзян Цин была права. Теперь, когда она больше не дополняла его душу, он снова начал сомневаться в существовании богов. И боги это сразу заметили — впрочем, как всегда. Он почувствовал неодолимое стремление совершить ритуал очищения и освободиться от неподобающих мыслей. Даже в эту минуту они не хотели забыть о наказании. Даже сейчас, когда жена бездыханная возлежала перед ним, боги требовали, чтобы он выказал почтение им, прежде чем пролил хоть слезинку в знак скорби по ней.

Сначала он хотел отложить ритуал, на некоторое время забыть о нем. Он научился сопротивляться этой тяге и теперь мог продержаться целый день, ни единым жестом не выдав, какую пытку ему приходится сносить. Он мог это сделать, но только в случае, если сердце его станет подобно камню. Сейчас в этом не было никакого смысла. Должное горе он сможет испытать, лишь ублажив богов. Поэтому, стоя на коленях у смертного одра жены, он приступил к ритуалу.

Он все еще изгибался, крутился на месте, когда в комнату заглянула служанка. Хоть она и не произнесла ни слова, Хань Фэй-цзы ощутил легкое скольжение двери за спиной и сразу догадался, что подумает теперь служанка: Цзян Цин отошла в мир иной, а Хань Фэй-цзы настолько праведен в своей вере, что решил поговорить с богами, прежде чем объявить о смерти всему дому. Несомненно, кое-кто даже решит, что сами боги явились, чтобы сопроводить Цзян Цин на небеса, ибо она славилась своей святостью. Вот только никому не придет в голову, что во время молитвы сердце Хань Фэй-цзы было исполнено горечи: даже в эту минуту боги осмелились настаивать на поклонении.

«О боги, — думал он, — если б знать, что, отрубив руку или вырезав печенку, я избавлюсь от вас навсегда, я бы немедленно схватил нож и наслаждался болью и страданиями — ради будущей свободы».

Эта мысль была нечестивой и требовала продолжить ритуал очищения. Минули долгие часы, прежде чем боги наконец отпустили его, а к тому времени он был слишком вымотан, слишком измучен сердцем, чтобы горевать. Он поднялся, покинул покои и послал женщину приготовить тело Цзян Цин к кремации.

Ровно в полночь он последним подошел к погребальному костру, неся на руках сонную Цин-чжао. Она сжимала в кулачке три бумажки с детскими каракулями, которые вывела для своей матери. «Рыба» — написала она, «книга» и «тайны». Цин-чжао хотела, чтобы мать унесла с собой на небеса именно это. Хань Фэй-цзы попытался догадаться,

что же было на уме у Цин-чжао, когда она писала записки. «Рыба» — это понятно; это те карпы, которых она видела сегодня в ручье. Про «книгу» тоже легко догадаться, потому что единственное, чем могла Цзян Цин на закате жизни заниматься с дочерью, — это читать ей вслух. Но при чем здесь «тайны»? Какие тайны вверяла Цин-чжао матери? Спросить он не мог. Не должно обсуждать записки, посылаемые мертвым.

Хань Фэй-цзы опустил дремлющую Цин-чжао на землю; она сразу проснулась и огляделась по сторонам, сонно помаргивая. Хань Фэй-цзы шепнул ей что-то, она скатала свои бумажки и сунула в рукав матери. Девочка совсем не испугалась, коснувшись остывшего тела, — она была еще слишком мала, чтобы содрогаться при соприкосновении со смертью.

И Хань Фэй-цзы не вздрогнул, дотронувшись до тела жены; он спокойно поместил три свои записки в другой рукав. Что проку теперь бояться смерти, когда она уже свершила злодеяние?

Никто из присутствующих не знал, что содержалось в этих клочках бумаги, иначе все бы ужаснулись, ибо он написал: «Мое тело», «Мой дух» и «Моя душа». Этим он сжигал себя на погребальном костре Цзян Цин и отправлялся вместе с ней в неведомые дали.

Затем доверенная служанка Цзян Цин Му-пао возложила на священное дерево пылающий факел, и весь костер занялся пламенем. Жар накатиł подобно огненной волне, и Цин-чжао спряталась за спиной отца, то и дело выглядывая, чтобы проводить мать в последнюю дорогу. Хань Фэй-цзы, однако, только приветствовал этот огненный прилив, иссушающий кожу и играющий шелком одеяний. Плоть Цзян Цин была вовсе не так невесома, как казалось; все бумаги давно превратились в пепел и унеслись прочь в столбе дыма, но тело все еще шипело, и тяжелый аромат благовоний, повисший вокруг погребального костра, не мог заглушить запах горящего мяса. «Вот что мы сжигаем здесь: мясо, рыбу, мертвечину, ничто. Только не мою Цзян Цин. Всего-навсего оболочку, которую она носила при жизни. Но то, что превращало это тело в женщину, которую я любил, все еще живо, она жива». И вдруг ему показалось, что он увидел, услышал, каким-то образом ощутил, как мимо него прошла Цзян Цин.

«В воздух, в землю, в огонь. И я с тобой».

2. ВСТРЕЧА

— Человеческие существа — странные создания, и в особенности странно их разделение на две половины — мужскую и женскую. Они находятся в состоянии постоянной войны, но в то же время не могут существовать друг без друга. Похоже, им в голову никогда не приходила мысль, что мужчины и женщины суть